

Котласское Сельхозлаготделение ГУВС МВД СССР 1950-1951 гг.

(На основе рассекреченных в 1993 году документов прокуратуры лагерей и колоний
Государственного архива Архангельской области)

Мельник Т.Ф.

Север России был основательно опутан колючей проволокой ГУЛАГа: Архбумлаг, Каргопольлаг, Кулойлаг, Онеголаг, Севдвинлаг, Севжелдорлаг, Сороклаг, Югорлаг, Ягринлаг. В том же ряду печально известный Котласлаг, действовавший под таким названием официально всего 20 месяцев в годы войны. В разное время, в зависимости от подчинения, он именовался по-разному, но суть была одна: использовать рабский труд в индустриализации страны. Неофициальное название «Котласлаг» могло появиться не ранее 6 июня 1931 года, когда был образован «Котласский пересыльный пункт Усть-Вымского ИТЛ ОГПУ» (приказ 296/173). Его производством было: транспортировка и хранение грузов в лагерь Коми АССР и переотправка этапов заключенных. 1 октября 1938 года числился 3801 заключенный (из них 2537 – за контрреволюционные преступления), в январе 1940 года – 1164. Спустя четыре месяца пункт был передан в Ухинско-Печорский ИТЛ. 9 мая 1938 года открылся вновь и был упразднен 14 мая 1940 года, но до конца 1941 года еще фигурировал в сводках. 14 мая 1940 года был организован «Котласский отдел ГУЛЖДС» (приказ НКВД 00597). Его производство: перевалка и складирование грузов для северных ИТЛ НКВД (исправительно-трудовых лагерей): Воркутинского, Северо-Печорского, Локчимского, Устьвымского, Ухто-Ижемского. Пересылка заключенных (расчет пересыльного пункта на одновременное содержание до четырех тысяч человек). Заготовка для Северо-Печорской магистрали технико-вспомогательных материалов. Сельскохозяйственные работы в тринадцати совхозах и Котласской сельхозферме. Предоставление рабочей силы на контрагентской основе лесоперевалочному комбинату в Лименде, судоремонтному заводу «Лименда», Удимскому и Нюбскому лесопунктам, СУРПу (пристань Котлас), конторе «Заготзерно», Котласской и Ленской сплавконторам, Болтинской лесобирже. Строительные работы по собственному титулу, а также титулам Северного железнодорожного ИТЛ и Северо-Двинского ИТЛ. В июле 1940 года было 8073 заключенных, 1 января 1941 – 6907, 1 января 1942 – 2186, 1 января 1943 – 8716 (из них 2332 – за контрреволюционные преступления). Упразднен 27 октября 1943 года и тем же числом (приказ НКВД 0403) «в связи с увеличением объема сельскохозяйственных работ Котласского отдела ГУЛЖДС и необходимостью укрепления режима содержания заключенных» был организован «Котласский сельскохозяйственный ИТЛ» (сокращенно – Котласлаг). Его производство: работы ЦРМ, ДОКа, Котласского пересыльного пункта, жилой группы административного отдела в городе Кирове, обслуживание Котласской сельхозфермы и одиннадцати совхозов. В Архангельской области – «Красноборского» и «Черевковского»; в Вологодской – «Красавинского» и «Красный Север»; в Горьковской – «Комсомолец» и «Шахуньского»; в Кировской – «Ардашевского», «Фаленковского», им. 8 Марта; в Коми АССР – им. 10-летия Коми АССР и «Мутницкого». 1 января 1944 года было 8629 заключенных, 1 января 1945 – 6207. Котласлаг закрыт 29 июня 1945 года. Все хозяйства (исключая 4 совхоза), мастерские, склады, производственные, служебные, жилые помещения перешли Северо-Печорскому ИТЛ. 11 июля 1949 года (приказ 00697) организовано Котласское сельскохозяйственное ЛО (лагерное отделение) в подчинении ГУЛАГ МВД и ГУВС МВД (Главного Управления Военного снабжения). С 24 августа 1950 года ЛО передано в подчинение ГУВС МВД в УМВД АО (Архангельской области), оперативное руководство возложено на ОУВС СПО (Северо-Печорского округа) [1].

Общая характеристика. В Котласском сельхозлаготделении, или СХЛО, на 1 января 1950 года содержалось 2016 заключенных [1]. СХЛО состояло из пяти лагерных колонн — лагпунктов в Вологодской и Архангельской областях. В октябре 1950 года на основании вступивших в силу приговоров судов отбывали срок 1842 заключенных, или 1140 мужчин и 702 женщины [2, л. 13]. Они *обслуживали рабочей силой* [3] подсобное хозяйство *дома младенца* в Котласе и четыре совхоза, производственным профилем которых являлось животноводство, овощеводство, полеводство. На 1950 год план по полеводству был определен в 9655 тысяч рублей, по животноводству – 20892 в ценах себестоимости. Общая потребность в кормах для животных на стойловый период 1950 -1951 годов по СХЛО была (в тоннах): грубых – 7017, сочных – 11486, концентрированных – 2778. Процент обеспеченности кормами составлял 89 — 95% [2, с.14]. На 24 октября 1950 года по совхозам числилось заключенных: 351 – в «Красавинском», 467 – в «Красном Севере», 274 – в «Красноборском», 473 – в «Черевковском». В Котласском лагпункте № I – 241, в ВСО-36 [4]. Как *рабочие единицы*, они

рассматривались *по категоричности* (физическому состоянию здоровья. К первой относилось 755 мужчин и 412 женщин, ко второй — 350 и 259 (соответственно), инвалидами признаны 35 и 31 [2, л. 13]. В мае 1951 года содержался 1481 заключенный, или 959 мужчин и 522 женщины. Несовершеннолетних, кассационных и следственных заключенных не было. По срокам отбывания наказания 219 человек (183 и 36) были приговорены от одного года до трех, 1256 человек (771 и 485) — от 3 до 10 лет, 6 — от 10 до 25. *По статейным признакам* (характеру преступлений) 298 мужчин и 85 женщин осуждены за контрреволюционные преступления, 6 и 5 — за бандитизм, 6 и 3 — за разбой и грабеж, 9 и 1 — за побег из мест заключения, 843 человека (452 и 391) — за другие преступления, из них 63 — за убийства. Воров-рецидивистов не было [5, л. 45]. За девять месяцев 1950 года заключенные написали 224 заявлений и жалоб о помиловании. Они были оформлены и переданы по назначению: 50 — в прокуратуру, 32 — в Верховный суд, 131 — в Верховный совет, 11 — в другие *органы* министерства [2, л. 8]. Указ президиума ВС СССР от 26 августа 1950 года выполнялся неудовлетворительно. 122 женщины, имеющие детей по месту жительства, *подпадали под указ*, но документов, подтверждающих это, у них не имелось, поэтому ни одна из них на свободу не вышла. Из 35 беременных женщин пятеро освобождению не подлежали, 30 — освобождено. Из 45 женщин, имеющих при себе детей, освобождению подлежали — 26. Они были освобождены [2, л. 11].

Администрация. Лагпункты в совхозах назывались фермами. Приказом МВД 00273 с октября 1950 года они были переведены *на самостоятельный баланс*. Руководством к работе начальников была «Инструкция по режиму содержания заключенных в лагерях и колоннах МВД» (приказ 0190) от 27 марта 1947 года. Они могли применять некоторые меры взыскания к нарушителям лагерного режима. Например, *водворение в ШИЗО* (штрафной изолятор) до трех суток. Начальники были в непосредственном подчинении директоров совхозов. Они таких прав не имели, однако, превышая полномочия, постоянно практиковали водворение в ШИЗО. При этом нарушения не фиксировали и *личные* объяснения осужденных не заслушивали. Взыскания накладывали заочно, документацию не подшивали, т.е. параграфы 235, 236 приказа грубо нарушались. Не выполнялся и указ президиума ВС СССР от 26 июня 1940 года, т.к. учета и контроля над рабочим временем вольнонаемных и служащих в отделении и в совхозах не было. Прокурорскими проверками установлено, что руководство СХЛО и директора совхозов не передавали в судебные органы материалы на злостных нарушителей трудовой дисциплины, тем самым *укрывали* пьяниц и прогульщиков. Так, начальник СХЛО объявил в приказе строгий выговор инспектору технического снабжения за прогул в полтора часа, но документы не оформил. На 1 января 1950 года администрация СХЛО допустила 111 случаев недостач, растрат и хищений на сумму 119 тысяч рублей [6]. Хищения происходили при транспортировке продукции, причем экспедитор, принимая груз, *весил свои пломбы, а вторые пломбы весила железная дорога*. Вагон следовал без проводника, экспедитор встречал груз на станции назначения. Недостача выявлялась при вскрытии вагона в присутствии комиссии. Это повторялось у разных экспедиторов и при сдаче каждого вагона. Руководство СХЛО вынужденно приняло решение *сдавать в порядке обмена на месте* всю молочную продукцию, ранее отгружаемую на Север. По недостачам материальных ценностей в 1950 году в следственные органы поступили материалы: на трех экспедиторов на сумму (в рублях) 19065, начальника базы — 17580 (за порчу огородных семян), кладовщика — 2184, заведующего складом — 1158, каптера — 952, заведующего ларьком — 752. Также: на группу работников промкомбината СХЛО — за *раскомплектование* автомашины и работников четвертой базы СХЛО — за незаконные выплаты. За первое полугодие 1950 года *с расхитителей* было взыскано 36 тысяч рублей и *за счет хозяйства списано с лиц* 9 тысяч рублей [2, л. 16]. Материальные ценности находились в центральных складах Котласа, которым требовался капитальный ремонт. Они не соответствовали назначению, т.к. не пломбировались. В 1950 году в аппарате СХЛО было пять работников учета, один из них — старший ревизор. В каждом совхозе имелся производственный счетный аппарат из семи человек и счетный аппарат колонн из двух — в подчинении старшего бухгалтера. Были *отревизованы* все совхозы, проведено шесть документальных ревизий, четыре *внезапных проверки* торговых точек и трех касс.

Бытовые условия. Расселение заключенных, в нарушение инструкции, проводилось без учета постатейных признаков. В 1950 году текущий ремонт жилых и коммунально-бытовых зданий, по плану СХЛО подготовки к зиме, проведен вовремя, но в общежитиях *не доставало жесткого инвентаря: крайне мало было вешалок* для верхней одежды. По сообщению инспектора СХЛО, совхозы, как это установлено *приказами свыше*, снабжались вещевым довольствием непосредственно через ОУВС МВД СПО, поэтому в октябре 1950 года зимней одежды *завезти полностью* они еще не успели. Питание заключенных было организовано без нарушений. Санитарное состояние пищевых блоков колонн было

удовлетворительным, но не велось дежурство вольнонаемными рабочими, и на кухнях *черпаки для раздачи пищи не были заклеены*. Вещевые и продовольственные *каптерки* и ларьки в зонах не пломбировались и не контролировались сторожами. Торговля в зонах лагпунктов не налажена. Инспектора *КВЧ* (культурно-воспитательной части), *не владея спецификой*, нужную работу не проводили. Их никто не контролировал, и ими никто не руководил. На вакансию старшего инспектора *КВЧ* специалиста не находилось. Учета жалоб и заявлений не велось, поэтому сроки их разрешения и характер неизвестны. Неслучайно, во время прокурорского обхода от заключенных поступало много вопросов по быту и режиму. В связи с материальной заинтересованностью в сельскохозяйственных и производственных показателях, руководство *СХЛЮ*, директора совхозов и начальники лагпунктов бытовых проблем в зонах не знали, организацией внутрилагерной жизни заключенных фактически не занимались и не интересовались.

Медицинское обслуживание. В октябре 1950 года в лагпунктах *СХЛЮ* было учтено 52 *коечно-больных*. Из них: 4 – с болезнями кожи и подкожной клетчатки, 4 – туляремией, 4 – туберкулезом легких открытой и закрытой формы, 4 – гриппом, 3 – с заболеваниями органов кровообращения, 1 – воспалением легких, 1 – производственной травмой, 31 – по другим болезням [2, л. 9 об.]. Показатели складывались за счет стационарно-больных, амбулаторно-освобожденных, находящихся в оздоровительных пунктах и беременных женщин. В третьем квартале 1951 года больные составили 6 процентов от общего количества. По диагнозам (в процентах): 14 – болезнь кожи и подкожной клетчатки, 8,5 – грипп и простудные заболевания, 3,4 – туберкулез легких закрытой формы, 4,5 – органов кровообращения, 5 – *сельскохозяйственный и производственный травматизм*, 65 – другие болезни. *Активирование заключенных, заболевших в лагере неизлечимыми недугами, не практиковалось* [5, л. 49]. В 1950 году эпидемические вспышки были весной – по гриппу, летом – по туляремии, брюшному тифу. В 1951 году инфекционных больных, за исключением вирусного гриппа, не было. Зарегистрировано девять случаев смерти по причинам: брюшного тифа, туберкулеза, воспаления легких, бронхиальной астмы, болезней сердца и печени, самоубийства через повешение, отравления метиловым спиртом. По последним – проведены расследования, виновные в дисциплинарном порядке наказаны. Так, 28 декабря 1950 года в 14 часов *бесконвойный заключенный* был замечен на производстве *в опьяненном состоянии*. Без врачебного осмотра его водворили в изолятор и *оставили без надзора*. В 23 часа, будучи в бессознательном состоянии, он скончался. Посчитали, что это произошло *в силу грубого нарушения лагерного режима* [2, л. 9]. В целом, госпитализация была своевременной, медпункты работали во всех лагпунктах, медобслуживание заключенных и санитарное состояние общежитий удовлетворительное.

Трудовое использование. *Основной рабочий фонд из числа заключенных* использовался на разных видах сельскохозяйственных работ: заготовка, вывозка, разноска удобрений, работа на парниках, заготовка и вывозка леса, работа на строительстве и в механических мастерских. По категоричности на 24 октября 1950 года 755 мужчин и 412 женщин были отнесены к первой категории, 350 и 259 – ко второй, 35 и 31 признаны инвалидами [2, л. 13]. В мае 1951 года к первой – 946 человек, или 64 процента от общего количества заключенных; ко второй – 459, или 31,2; инвалидами признано 63, или 4,3 процента [5, л. 48]. Не все инвалиды были трудоустроены, хотя их можно было привлечь для изготовления мелкого сельскохозяйственного инвентаря. *Лица второй категории физического труда, согласно инструкции, назначались на менее трудоемкие работы, т.е. легкой и средней тяжести*. Однако, 30 – 40 человек из них (с *резкими ограничениями в труде*) ежедневно использовались на тяжелых работах, предназначенных только для лиц первой категории. Самые грубые нарушения трудового использования устранялись после вмешательства работников санчасти. Во время посевных и уборочных кампаний бригады *конвоировались только одним стрелком* вооруженной охраны и формировались без учета статейных признаков. Допускались совместные работы с вольнонаемными. Выдача денег с лицевых счетов производилась один раз в месяц, иногда реже, поэтому заключенные были вынуждены *жить и работать на основном лагерном пайке*, месяцами не получая личных денег. На фермах и сельскохозяйственных работах они (и вольнонаемные) не обеспечивались спецодеждой. Не были организованы *секции для хорошо работающих заключенных*. Отбывавшие меры взыскания в ШИЗО, использовались на прежних работах, а *не под отдельным конвоем*, и не отдельно от прочих заключенных. Администрация *СХЛЮ* и директора совхозов, тем самым, грубо нарушали приказ МВД 0418.

Охрана и режим. Заключенные в *СХЛЮ* содержались *в силу явного игнорирования* приказа 0190, поэтому лагерный режим нарушался систематически. Мужчин и женщин расселяли в общие зоны, где отдельными зонами отгораживали женские бараки. Делалось это *формально, т.к. заборы, при наличии*

одной вахты, не обеспечивали полной изоляции. По этой причине в первом квартале 1951 года зафиксировано 54 случая сожительства из 267 нарушений режима по СХЛО. В целом требованиям администрации не подчинялись 15,2 процента всех заключенных. В том числе отмечено: 134 случая отказа от работы, 6 – краж, 9 – пьянства, 14 – картежной игры и *промотов* лагерного имущества на сумму 2538 рублей [5, л. 47]. Материалы на злостных нарушителей для водворения их на тюремный режим не оформлялись. Во втором квартале отмечен рост нарушений лагерного режима. Во-первых, из-за неправильного расселения. *Бытовые* содержались во всех колоннах вместе с осужденными за контрреволюционные преступления, т.к. для последних не были введены зоны усиленного режима, как этого требовал приказ 0190 (параграф 47). Во-вторых, допускалась совместная работа заключенных с вольнонаемными. Кроме того, во всех лагпунктах СХЛО, несмотря на крайнюю необходимость в *расчистке контингента*, длительное время содержались *особо опасные преступники*, подлежащие *этапированию* в лагеря усиленного режима. В октябре 1950 года их числилось: 119 – за грабежи, бандитизм, разбой и 10 — за побеги [2, л. 3]. Не выполнялся приказ 001516 об изоляции особо опасного контингента и лиц, требующих усиленного надзора. Их не обыскивали на вахтах, т.к. не были составлены списки. В силу хозяйственной необходимости в СХЛО на 18 мая 1950 года было *расконвоировано* 400 заключенных, или 27,3 процента, хотя в совхозах работало значительное число лиц вольнонаемного состава. По статейным признакам: 95 человек — по статье 58.10. ч. II УК РСФСР [7]; 19 – по ст. 136; 162 – по указу 1947 года; 5 – по ст. 137, 138; 119 – по другим [5, л. 57]. В нарушение приказа 0286 *без учета государственной безопасности* было 198 бесконвойных. Шестнадцать из них, имея круглосуточные пропуска на водном транспорте, нарушали маршруты движения и лагерный режим. Без контроля охраны и надзирательской службы они совершали на теплоходах и катерах рейсы по Северной Двине от Черевкова до Великого Устюга. Начальники колонн поручали свою работу *надзорсоставу* (надзирательскому составу), который не имел ежемесячных графиков на *повальные обыски* в зонах, т.е. не проводил их. Женщин на вахтах не обыскивали, т.к. надзирателей-женщин не имелось. Не велось дежурство даже в ШИЗО, т.е. содержащиеся там оставались без контроля. Оборудование ШИЗО не соответствовало требованиям инструкции. Двери и печи не были обиты железом, в дверях камер *не было волчков* для наблюдения за поведением заключенных. В первом квартале 1950 года за нарушение лагерного режима 132 заключенных были этапированы в северные лагеря, во втором – 19, в третьем – 30, всего 181 [2, л. 12].

Красавинский лагпункт находился при «Красавинском» совхозе в Великоустюгском районе Вологодской области в четырех километрах от города Красавино, или в 37 – от Котласа. Не позднее 1 января 1943 года Котласским отделом ГУЛЖДС совхоз был принят от Вологодского треста пригородных хозяйств [8]. На 20 октября 1950 года лагерное население составляли 137 вольнонаемных рабочих и 350 заключенных (228 мужчин и 122 женщины). По статейным признакам: 8 мужчин и 5 женщин – за контрреволюционные преступления, ст. 58.1а, 1б, 6, 9, 11, 1 и 2; 3 мужчины и женщина – по ст. 58.14 и 82 ч. I; 7 мужчин и женщина – по ст. 59-3, 167, 193-28; 24 мужчины и 2 женщины – по ст. 58-3, 4, 5, 7, 10, 13; 130 – по указам 1941-1947 годов; 169 – за другие преступления [2, л. 26]. Заключенные были размещены по жилым помещениям без всякого учета статейных признаков и проживали вместе. Директор совхоза и начальник колонны специфики работы не знали. В беседе с прокурором последний признавался, что он – *хороший бригадир-полевод и очень плохой лагерный начальник*. Директор совхоза не знал приказов и директив, регламентирующих жизнь и деятельность находившихся в лагере. Пользуясь правами начальника колонны, он отправлял заключенных в штрафной изолятор на срок до десяти суток, тем самым нарушал приказ 0190. Бухгалтерский аппарат совхоза крайне небрежно оформлял *первичные документы о надежде рабочего скота*, тем более, когда виновниками этого являлись конкретные заключенные или вольнонаемные. Общая сумма недостач по лагпункту на 1 октября 1950 года составляла 22253 рубля. Из них (в рублях): промоты вещевого довольствия – 1849, недостача у кладовщика 857. Материал на последнего был передан следователю, но привлечь к ответственности было некого, т.к. кладовщику удалось *беспрепятственно* скрыться [2, л. 27]. В допуске к работам, связанным с материальной ответственностью, нарушений не было. Бытовые условия в зоне были удовлетворительными. Бараки электрифицированы и радиофицированы. Все имели отдельные спальные места и были снабжены постельными принадлежностями. Недоставало *барачного инвентаря*: стульев и вешалок для верхней одежды, поэтому каждый был вынужден развешивать ее у своего спального места, или сидеть в грязной одежде на койке. Жилой площади в лагерном пункте было достаточно, по два квадратных метра на человека, но отдельные секции были перенаселены, там приходилось по 1,7 и менее. (Эти нормы допускались до 1 декабря 1950 года). В двух таких секциях были размещены шесть беременных женщин. В бараках не было *уголков для культурного отдыха*

заклученных. Ограждение зоны не соответствовало требованиям инструкции приказа 0190, т.к. высота была 2,5 метра и менее. Лагпункт круглосуточно охранялся двумя постами с вышек, установленных по противоположным углам диагонали зоны, но это не мешало заключенным совершать побеги, особенно в ночное время. В любом месте колья ограды легко поднимались вверх, давая возможность *пролезать в образовавшееся отверстие*. Женская зона отделялась от мужской *досчатым забором*. *Состояние перегородки* не представляло надежной изоляции, поэтому сожительство от общего числа нарушений в 1950 году составляло 35-40 процентов [2, л. 26 об.]. Заключенные по бытовым преступлениям содержались вместе с осужденными за убийства, бандитизм, контрреволюционные преступления и по указу 26 июня 1940 года. К зиме лагпункт был подготовлен. Обеспеченность вещевым довольствием контингента на 1 октября 1950 года из расчета на 237 мужчин и 127 женщин была следующей. По нормам не доставало: женской одежды — 123 юбки, 127 кофт, 127 шалей; мужской нательной — 38 рубах, 26 кальсон; верхней — 3 шапки-ушанки, 8 полушубков, 211 телогреек, 84 ватных шаровар, 717 пар рукавиц и 360 пар валенок. Постельных принадлежностей — 43 наволочки, 296 простыней. Излишки: 106 курток-полупальто, 83 хлопчатобумажных шаровар, 68 курток- гимнастерок, 328 женских платьев и 163 рубах, 334 трусов и женских трико, 216 маек, 23 пары чулок, 187 пар ботинок, 113 полотенец, 84 одеял, 96 *наволочек тюфячных* [2, л. 32]. Лагпункт был снабжен продуктами: *ржаной обойной мукой*, солью и *суррогатным кофе* на 10 месяцев, разными крупами и сортовой мукой — на 8, макаронами — на 5, чаем — на 3, растительным маслом — на 2, рыбой и маргарином — на месяц, *диетической крупой* — на 5 лет. Мясо и овощи — из своего хозяйства. Мыла — на 2,5 месяца [2, л. 33]. Эти запасы складывались из расчета на одного человека в день (в граммах): 450 — муки ржаной и 40 — сортовой; 120 — крупы разной и 6 — диетической, 8 — макарон, 134 — рыбы, 12,5 — растительного масла и 1,25 животного жира, 142 — суррогатного кофе, 16 — сахара, 20 — соли, 9 — натурального чая, 45 — мяса, 650 — овощей, хозяйственного мыла — менее семи граммов [9]. По категорийности труда к первой — было отнесено 163 мужчины и 67 женщин, ко второй — 54 и 49. Инвалидами признаны 5 мужчин и 7 женщин [2, л. 13]. Без учета статейных признаков формировались бригады и конвоировались в разгар летних работ одним стрелком охраны. Этим начальник лагпункта грубо нарушал приказ № 001516. ШИЗО подлежал немедленному закрытию, т.к. его камеры были оборудованы на вахте из двух комнат служащих, что было недопустимо. Двери не обшиты железом, волчки отсутствовали. На 18 мая 1951 года было расконвоировано 83 заключенных, что составило 31% от списочного состава колонны. Из них: 11 человек — по ст. 58-10 ч. II, 2 — по ст. 136 и 138, 23 — по указу от 4 июня 1947 года, 46 — по другим статьям [5, л. 57].

Лагпункт при совхозе «Красный Север» находился в Великом Устюге, в десяти километрах от центра, или в 67 — от Котласа. Совхоз имел 4926 гектаров земли, в т.ч. пахотной — 1200. В хозяйстве было 217 голов крупного рогатого скота, 505 — рогатого, 136 лошадей и 260 свиней. В четырех километрах от управления совхоза находилась *Вторая ферма*. Ее земельная площадь составляла 600 гектаров, в хозяйстве держали 102 коровы, 140 телят, 59 лошадей, 59 жеребят, 111 свиней. Второй фермой совхоза «Красный Север» назывался лагпункт. На 24 октября 1950 года его население составляли 467 заключенных (272 мужчины и 195 женщин), которые использовались на сельскохозяйственных работах и 347 вольнонаемных рабочих [2, л. 13]. Дисциплина и поведение последних не были примером для перевоспитания заключенных. Среди них было много прогульщиков и пьяниц. Директор совхоза, *подменяя судебные органы*, действовал своими методами. Он *укрывал злостных нарушителей*, не оформлял на них материалы, игнорируя указ от 26 июня 1940 года. Так, трем женщинам, совершившим прогулы более чем на 20 минут, и работнице совхоза, самовольно ушедшей с работы на целый день, он всего лишь объявил своим приказом выговор. Трех работницам совхоза, допустившим прогул по 45 минут — строгий выговор. Старшего инспектора за прогулы он уволил с работы. Был случай, когда в совхозной столовой пьянствовали в рабочее время заместитель главного бухгалтера совхоза, инспектор, кладовщик, и десятник леса, допустив, тем самым, прогулы. Директор не издал даже приказа, ограничившись резолюцией на документах: *«объявить выговор и предупредить, что при повторении будут приняты более строгие меры взыскания»*. К главному бухгалтеру совхоза, систематически пьянствующему, т.е. прогуливающему — вообще не принимал никаких мер [5, л. 52]. Вольнонаемные рабочие *расхищали урожай овощей*, пользуясь тем, что совхозные поля не охранялись, а оперуполномоченного на второй ферме не было. Его работу выполнял по совместительству уполномоченный совхоза, который находился за 30 километров и не мог часто посещать лагпункт. Особенностей работы в лагере директор не знал, а начальник фермы от руководства лагпунктом самоустранился, и не имел в зоне даже своего рабочего кабинета, потому прием заключенных по личным вопросам не проводился. В личной беседе с прокурором, он признавался:

«Лагерем мне нет возможности заниматься, настолько большой объем сельскохозяйственных работ и работы по животноводству, что *нет время* заниматься лагерем, а потому эту работу у меня выполняет надзорсостав» [2, л. 3]. Но, причина, как видно, была в другом. В прокурорской проверке отмечено, что начальник фермы со старшим механиком совхоза пьянствовали в течение дня, т.е. совершили *злостный прогул*, но директор совхоза вновь ограничился строгим выговором. Для внутреннего порядка было крайне необходимо этапировать в лагерные подразделения усиленного режима злостных нарушителей и *бандитствующие элементы*. Но приказ 001516 не выполнялся. На 22 октября 1950 года по статейным признакам содержалось 44 мужчины и 14 женщин – ст. 58-1А, 1Б, 1, 2; 4 мужчины и 5 женщин – ст. 58-3; 42 мужчины и 15 женщин – ст. 7, 10, 12, 13; 3 мужчины – ст. 58-14 и 82. ч. I; 3 мужчины и женщина – 59-3; 35 мужчин и 68 женщин – по указам 1940-1947 годов; 144 мужчины и 97 женщин – по другим статьям. Бытовые условия для заключенных были удовлетворительные, бараки электрифицированы и радиофицированы. Женская зона была отгорожена от мужской забором, но он не являлся преградой для общения с мужчинами. У лагерного забора зоны не был сделан козырек из колючей проволоки. Лагпункт был явно перенаселен. В мужской зоне на одного человека приходилось в среднем по 1,8 квадратного метра жилой площади, в женской – 1,7. При этом на каждого имелось отдельное спальное место с постельными принадлежностями. Бараки не были в достаточной мере снабжены потребным количеством барачного инвентаря, и *не было уголков для культурного отдыха заключенных*. Питание в совхозе было организовано плохо, а пища готовилась однообразная. Длительное время не было картофеля, его заменяли только овсянкой, т.к. других круп не было. Работа ларька в совхозе организована плохо, *необходимый ассортимент продуктов и галантереи отсутствовал*. В магазине лагеря не было табака и *общедоступных сортов папирос*. Наглядной агитации в лагере не было. Культурно-воспитательной работой никто не занимался. Работой инспектора КВЧ (как и других инспекторов) никто не руководил, и специфики он не знал, что подтверждает его вопрос: *«Законны ли, товарищ прокурор, будут мои требования создать драматический кружок, в котором будут участвовать мужчины и женщины из числа заключенных, т.к. я не могу найти таких пьесок, действующие лица которых были бы одни мужчины или одни женщины»* [2, л. 34]. Прокурор назвал вопрос *анекдотическим, подтверждающим факт отсутствия культурно-воспитательной работы для перевоспитания преступников*. При обходе лагеря заключенные задавали прокурору много вопросов, т.к. прием и учет жалоб и заявлений в лагпункте не применялся. По категорийности труда к первой — были отнесены 157 мужчин и 113 женщин, ко второй – 100 и 70. Инвалидами признаны 15 мужчин и 12 женщин. Использование заключенных второй категории, имеющих резкие ограничения в труде, постоянно нарушались. Так, 18 апреля 1951 года начальнику колонны передали *из санчасти* список на 26 человек, которых можно было *ставить на легкие работы с ходьбой не более трех километров*. Однако он отправил их на работу вместе с другими заключенными — за восемь. Это привело к госпитализации нескольких человек. В другом случае, заключенного поставили работать *кипятильщиком*, но за нарушение лагерного режима сняли и направили на работу за восемь километров. Вскоре его пришлось госпитализировать. Со стороны администрации совхоза грубо нарушался приказ 0418, т.к. *заход заключенных на работы был допущен до восьми километров по труднопроходимой дороге в один конец*, несмотря на то, что для работ имелся поблизости пустующий лагерный участок. Он был закрыт, т.к. для его охраны требовалось 17 человек, а их не было. Заключенным не всегда выдавали зарплату за выполненные работы, и они были вынуждены месяцами обходиться без личных денег. Были случаи, когда работы, выполненные целыми бригадами, не оформлялись и *не закрывались нарядами*. Одна бригада по уборке лука, например, не была оформлена агрономом, а в документах *день проведен как выходной*. Рабочие бригады составлялись без учета статейных признаков, а в разгар посевной и уборочной кампаний женские бригады конвоировались только одним бойцом охраны, что недопустимо. Заключенных во время уборки урожая не обеспечивали рукавицами. ШИЗО *по своим конструктивным данным* не соответствовал назначению, т.к. *высота камер не была соблюдена*, и они не были побелены. Дежурного помещения не было, *параши отсутствовали, нары сделаны из жердевого накатника без сравнения поверхности и не закреплены посередине*. Для эксплуатации и содержания в нем заключенных ШИЗО был не пригоден. Ко всему, изолятор закрывался на замок в то время, когда там находились люди. Директор совхоза грубо нарушал приказ 0190, водворяя заключенных в ШИЗО до десяти суток и *по телефонограммам*. Так, по его звонку нарядчик-заключенный водворил в ШИЗО на трое суток заключенную женщину-бригадира. Документация по наложению взысканий хранилась в *хаотическом состоянии*, не подшивалась [5, л. 50]. На 18 мая 1951 года было расконвоировано 65 заключенных, что составило 14 % от списочного

состава колонны. Из них: 5 человек — по ст. 136, 15 – по ст. 58.10 ч. II, 2 – по ст. 138, 16 — по указу 1947 года, 20 – по другим [5, л. 57].

Черевковский лагпункт находился при «Черевковском» совхозе в Архангельской области в пятнадцати километрах от села Черевково, или в 110 — от Котласа. На 24 октября 1950 года лагерное население составляли 485 вольнонаемных рабочих и 473 заключенных (277 мужчин и 196 женщин). По категорийности труда к первой – были отнесены 177 мужчин и 123 женщины, ко второй – 95 и 68. Инвалидами признаны 5 мужчин и 5 женщин. По статейным признакам: 67 мужчин и 26 женщин – по ст. 58, все пункты; 3 мужчины и 2 женщины – по ст. 58-14, 82 ч. I; 20 мужчин и 4 женщины – ст. 59-3, 165, 167, 193-28; 21 мужчина и 10 женщин – по ст. 2 ч. II указа 4 июня 1947 года; 22 мужчины и 10 женщин – по указу от 26 июня 1940 года; 144 мужчин и 144 женщин – по другим [2, л. 13]. На 18 мая 1951 года было расконвоировано 117 заключенных, что составило 37 процентов от списочного состава колонны. Из них по статейным признакам: 34 человека — по ст. 58-10 ч. II, 2 – по ст. 136, 52 — по указу 1947 года, 20 – по другим статьям [4, л. 57]. В 1950 году работник из вольнонаемных *за надеж телки допустил недостачу* 9486 рублей [10].

Красноборский лагпункт находился при «Красноборском» совхозе Архангельской области в четырех километрах от села Красноборска, (где располагалось управление совхозами), или в 60 — от Котласа. На 18 октября 1950 года лагерное население составляли 274 заключенных (170 мужчин и 104 женщины) и 427 вольнонаемных рабочих. За вольнонаемными рабочими и служащими в 1950 году по балансу лагпункта числилось недостач в общей сумме на 12037 рублей [2, л. 17]. Были случаи, когда после *выявленной недостачи* их оставляли в должности, и, продолжая работать, они допускали *повторные недостачи*. Так, у кладовщика лагпункта недоставало по кварталам (в рублях) 623, 721, 745. Сумма недостачи увеличивалась, но его не увольняли. Служебного расследования не проводилось, причины недостач не выяснены [2, л. 6]. Ограждение зоны лагеря не соответствовало требованиям, высота была 2,5 метра и в отдельных местах даже ниже. Нижняя часть кольев ограды подгнила, имелись значительные просветы. Охрана велась круглосуточно с вышек, установленных на двух противоположных по диагонали углах, но это не препятствовало совершению побегов, особенно в ночное время. Женская зона от мужской была выгорожена забором формально, преградой для общения с мужчинами он не был. В октябре 1950 года заключенные отбывали сроки по статейным признакам: 36 мужчин и 6 женщин — по ст. 58.10 п. 1, 2, 3, 4, 5; 37 мужчин и 11 женщин – ст. 58.10 (остальные пункты, кроме 14); мужчина – ст. 59.3, 165, 168; 30 мужчин и 58 женщин – по указу 1947 года; 66 мужчин и 29 женщин — по другим. Срок более десяти лет отбывал один заключенный [2, л. 25]. Ящиков для жалоб и заявлений не было, поэтому степень их разрешения и характер не известны. Лагпункт располагал достаточной жилой площадью по предусмотренным нормам. Помещения были электрифицированы и радиофицированы, но *потребным* количеством барачного инвентаря *снабжены не в достаточной мере*. Не было уголков для культурного отдыха заключенных. Бытовые условия в колоннах удовлетворительные. Все имели *закрепленные спальные места* и постельные принадлежности *хорошего состояния*. К зиме жилые и коммунально-бытовые помещения были подготовлены. Вещевым довольствием в 1950 году *снабжение было с избытком* и контингент был вполне им обеспечен [2, л. 22]. На складе числилось *сверх положенного*: 159 зимних шапок, 267 бушлатов, 60 гимнастеров и брюк, 101 – ватных брюк, 17 телогреек (правда, все они были негодными), 382 комплекта нательного мужского белья, столько же женского, 311 женских платьев, 250 пар кожаной обуви, 55 пар валенок, 116 пар бурок (*не предусмотренных довольствием*), 318 портянок, 19 комплектов постельной принадлежности. Недоставало 32 полушубков [11]. Телогрейки к весне *выносили срок носки на 50 процентов*. Рукавицы *готовили из утиля* [5, л. 54].

Обеспеченность продовольствием контингента заключенных и кадрового состава на 18 октября 1950 года

Наименование продукта	Месячное потребление	Имелось в наличии	Обеспеченность в месяцах
Мука обойная разная	4,2 тонны	24.4 тонны	7,5
Продзерно	-	6.7 тонн	
Мука сортовая	0,35 тонны	4,2 тонны	12
Крупа разная	1,2 тонны	12,5 тонн	10,5
Сахар	140 кг	1,05 тонн	7,5
Овощи	6 тонн	70 тонн	11,5

Накануне зимы лагпункт был снабжен некоторыми продуктами более чем на полгода, но в то же время на складе не было в наличии ни грамма животных жиров, растительного масла, рыбы, *макаронных изделий*, соли. Не было и хозяйственного мыла [2, л. 21]. Работа ларька в совхозе организована плохо, необходимый ассортимент продуктов и галантереи отсутствовал. По категорийности труда заключенных были отнесены к первой — 111 мужчин и 71 женщина, ко второй — 51 и 28. Инвалидами признаны 8 мужчин и 5 женщин [2, л. 13]. Рабочие бригады формировались без учета статейных признаков и соблюдения требований приказов и директив. Каждая женская бригада конвоировалась на работу только одним стрелком охраны. Из администрации совхоза неоднократно обращались с заявлениями на этапирование бандитствующих элементов и злостных нарушителей в лагподразделения усиленного режима, *но спецотдел СХЛО нарядов не давал*, тем самым приказ 001516 не выполнялся. ШИЗО во время прокурорской проверки был закрыт на замок, хотя в двух его камерах, *без вывода на работу*, находились две женщины и мужчина. ШИЗО *примитивного вида, не оборудован прикрепленными парашами*, но, при наличии постоянного дежурства надзирателя, для эксплуатации был пригоден. На 18 мая 1951 года было расконвоировано 53 человека, или 19 процентов от состава колонны: 20 - по ст. 58.10 ч. II; 23 – по указу 1947 года; 10 — по другим статьям [5, л. 57].

Котласский лагпункт № I находился в черте города Котласа Архангельской области, в двух километрах от центра. На 24 октября 1950 года в нем содержалось 157 мужчин и 84 женщины, всего 241 заключенный. По статейным признакам 56 мужчин и 14 женщин отбывали сроки за контрреволюционные преступления, 1 — за побег из лагеря, 1 — за грабеж, 3 – за разбой, 166 человек — за другие преступления [5, л. 46]. Женская зона от мужской отгорожена забором была *формально*, и он не являлся препятствием для общения с мужчинами. Лагпункт в достаточном количестве располагал жилой площадью, ее приходилось по 2 – 2,5 квадратного метра на человека. Однако бараки были ветхие и *оборудованы нарами вагонной системы из досок-горбылей, сделанных без подгонки поверхностей мест для лежания и без подголовников*. Заключенные, особенно в женском бараке, подвергались опасности обвала. Вместе с остальными находились семь женщин, *кормящих грудью детей*. Бытовые условия не созданы, но от заключенных жалоб не было, т.к. их приема и учета не велось, и характер их не был известен. К зимнему сезону 1950 года *контингент* не был обеспечен обмундированием. Вещевая и продовольственная каптерки, камера хранения личных вещей заключенных, ларек не пломбировались и не охранялись. Все заключенные в соответствии с категорийностью труда использовались на погрузке-разгрузке материальных ценностей и сельскохозяйственных работах. По СХЛО только из этого лагпункта до 70 человек заключенных *использовалось на контрагентских работах на лесобирже и на строительстве стандартдомов* [5, л. 60]. При этом десять работающих на лесобирже по своему физическому состоянию должны были *использоваться на легких работах*. Использование заключенных, имеющих резкие ограничения в труде, постоянно нарушалось. Бригады формировались с нарушениями требований инструкций приказа 0190, без учета статейных признаков. По категорийности труда к первой были отнесены 111 мужчин и 38 женщин, ко второй – 44 и 44. Инвалидами признаны четверо [2, л. 13]. Штрафной изолятор находился на территории зоны и не был отгорожен забором. Для эксплуатации был пригоден, но не был побелен. На 18 мая 1951 года был расконвоирован 61 заключенный, что составило 25 процентов от списочного состава колонны. Из них: 15 человек по ст. 58-10 ч. II, 12 – по ст. 136-137-138, 48 – по указу 4 июня 1941 года, 19 – по другим статьям [5, л. 57]. В актах прокурорских проверок отмечено, что начальник лагпункта № I, в отличие от директоров совхозов и руководителей других колонн, имел опыт работы в лагерях и хорошо знал ее особенности.

Котласский дом младенца. Он же – «дом ребенка до двух лет», или «детский дом». Располагался на территории первого лагпункта в Котласе в общей женской части зоны, поэтому матерям вход в него *предоставлялся* в любое время. *Детская площадь* была выгорожена от общей зоны низким забором-штaketником, вахты не имелось. Это давало возможность *для свободного проникновения*, и заключенные матери беспрепятственно посещали своих детей и нередко уносили их в общие жилые секции барakov. Для прогулок детей не были оборудованы навес и летняя площадка с горками и качелями. Отсутствовала веранда. Обеспечение полезной жилой площадью полное, но дети были размещены в двух приспособленных зданиях (двух отделениях), одно из которых подлежало сносу. По акту комиссии оно, как непригодное к дальнейшей эксплуатации, было уже списано. Находившиеся в нем люди подвергались обвалу. Несмотря на ветхость, помещения содержались в хорошем санитарном состоянии. Дети были достаточно обеспечены продуктами питания, постельными принадлежностями, бельем, одеждой, обувью, но не имели *качественных игрушек* (их нельзя было приобрести и в Котласе). В октябре 1950 года 19 *грудничков* и детей до года находилось в одном отделении и 19 детей от года до трех – в другом. Комната для кормления грудничков не имела отдельного выхода, а потому не

соответствовала своему назначению. На 19 мая 1951 года находилось 35 детей (19 мальчиков и 16 девочек). 11 детей в возрасте до одного года, 13 — от 1 до 2 лет, 10 — от 2 до 3 лет и 1 — старше трех лет. Одиннадцать детей были старше двух лет, а значит, подлежали передаче гражданским детским учреждениям органам Министерств образования, здравоохранения или родственникам матерей. В нарушение всех инструкций они оставались в доме младенца. По физическому состоянию 31 ребенок были нормального развития, 2 — гипотрофики, 2 — перенесшие авитаминоз, 1 — перенесший бронхоаденит [5, л. 65]. Имелся детский *изолятор на одну инфекцию*, но массовых инфекций не было, за исключением случая дифтерии в апреле 1951 года. Ребенок был своевременно изолирован и вылечен. За десять месяцев 1950 года умерло пять детей. Из них двое — на почве дистрофии, как оказавшиеся слабосильными и недоразвитыми при рождении; двое — с дистрофией при преждевременных родах; один — от двухстороннего воспаления легких [2, л. 9]. В 1951 году смертельных исходов среди детей не было. Обслуживающий штат был укомплектован согласно отпущенным лимитам. Он состоял из заключенных женщин, осужденных за контрреволюционные преступления, хищения, бандитизм, грабеж и другие опасные преступления. Обслуживающий персонал — это вольнонаемные воспитатель, медсестра и врач-педиатр, который заведовал и руководил домом младенца.

По приказу «Котласское ЛО ликвидировать и передать лагподразделения в состав УИТЛК УМЮ по АО», СХЛО было закрыто первый раз 29 апреля 1953 года. Сведения, подтверждающие выполнение приказа, не найдены, о повторной организации ЛО приказ не обнаружен, видимо, остался только на бумаге, т.к. до 26 июля 1954 года находился в подчинении ГУЛАГ МВД. С 26 июля 1954 года — в ГУВС МВД. 1 января 1955 года — 1277 заключенных, 1 января 1956 — 1162. Приказом МВД РСФСР и ГУВС МВД СССР (262/259) 1 декабря 1956 года Котласское ЛО закрыто окончательно [1]. Оно действовало немногим более семи лет (с 11 июля 1949 года). Котласский монстр тоталитарного режима, частью которого было СХЛО, с неповторимыми названиями и немислимыми аббревиатурами, утвердившийся в народном сознании как Котласлаг, существовал 25 с половиной лет (с 6 июня 1931 года). Котласлагом — Котласским лагерем был с 27 октября 1943 по 29 июня 1945 года.

Примечания:

1. Кривенко С. Шкапов Д. // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. М. 1998. С. 299 – 301.
2. ГААО. Ф. 5865. Оп. 2. Д. 73.
3. Здесь и далее *курсивом* (так в тексте) — сохранены выражения тех лет и лагерная терминология.
4. ВСО — предположительно, подразделение заключенных «военизированная самообхрана». О нем же в документе «Об обеспеченности контингента вторых и кадрового состава ВСО и ВПО» [2, л. 33].
5. ГААО. Ф. 5865. Оп. 2. Д. 93.
6. Здесь и далее суммы округлены до рублей.
7. Здесь и далее читается: «по статье УК РСФСР».
8. ГАРФ. Ф. 9407. Оп. 1. Д. 298. Л. 1.
9. Высчитано мною, — Т. М.
10. Акты прокурорских проверок Черевковского лагпункта в делах 1950-1951 гг. отсутствуют.
11. Высчитано мною, — Т. М.
12. Емелин А. Иванов А. Гулаг в годы ВО войны // Военно-историч. журнал. № 1. 1991. С. 15.

Приложение. Сведения о некоторых статейных признаках УК РСФСР [5, л. 111, л. 143]

- Ст. 1, 2, 3 указа от 4 июня 1947 — личная собственность.
Ст. 1, 3, 4, 5 указа от 4 июня 1947 — государственное имущество.
Ст. 2 ч. II указа — разбой
Ст. 58, все пункты — контрреволюционные преступления.
Ст. 58 п. 1 а, б — измена родине.
Ст. 58 п.п. 2, 3, 4, 5, 11 — участие в антисоветском заговоре, антисоветские организации и группы.
Ст. 58.8 — террор.
Ст. 58.10; 59 п. 7 — антисоветская агитация (АСА).

Ст. 58.14 — контрреволюционный саботаж (побеги из мест заключения).

Ст. 59.3 – бандитизм, ст. 59. п. 3 в – должностные хозяйственные преступления.

Ст. 74 – хулиганство.

Ст. 82.13 – побеги из мест заключения, ссылки, высылки.

Ст. 109-121 – должностные хозяйственные преступления.

Ст. 107 – спекуляция.

Ст. 109-121 и 128-135 – должностные и хозяйственные преступления.

Ст. 136-138 — умышленное убийство.

Ст. 162 (кроме б, в) –178 (кроме 167) – имущественные преступления.

Ст. 165 – грабеж.

Ст. 166 – скотокрадство.

Ст. 167 – разбой.

Ст. 182 – незаконное хранение оружия.

Ст. 192 – нарушение паспортного режима.

Ст. 193 – воинские преступления, 193 п. 17 – должностные преступления.

Указ от 4 июня 1947 года – об усилении охраны личной собственности граждан и об уголовной ответственности за хищение государственного имущества.

Указ президиума ВС СССР от 26 июня 1940 года – принят в связи с возросшей опасностью войны, «встречен новым трудовым подъемом трудящихся». Вводил уголовную ответственность за прогул – самовольный уход рабочих и служащих из предприятий и учреждений без уважительной причины продолжительностью свыше 20 минут. Самый масштабный по количеству осужденных за его нарушение – три миллиона человек, или восемь процентов от общего числа рабочих и служащих СССР осуждено только до ВО войны. Отменен в апреле 1956 года [12].